

IV

В течение¹ шестидесятих годов в семье нашей произошло много перемен. Дед и бабушка наши скончались, а за ними умер и дядя наш, Ю.Ф.Витте². Семья его, а с ней младшая тетка наша, Н.А.Фадеева (всегда бывшая особенно дружна с моей сестрой, так как кроме родства их связывало товарищество: они были почти одних лет и вместе учились), переехали на житье в Одессу, где находились в университете сыновья Витте. Я одна оставалась в Тифлисе осколком огромной семьи нашей, вторично выйдя замуж³. Ко мне по старой памяти прибегали постоянно за помощью бывшие крепостные люди Фадеевых, и тут-то, по поводу двоих из них, и произошел замечательный факт, убедивший меня, что психические силы сестры моей отнюдь не уменьшились.

В конце [18]60-х годов (не помню именно в котором) мы проводили лето в Манглисе, штаб-квартире одного из Кавказских полков⁴, куда многие переезжают на дачу. Сестра тогда была в Каире, и хотя мы переписывались, но далеко не часто, не входя ни в какие подробности, с моей стороны по крайней мере, так как я была занята семьей. Она еще иногда и раздражалась, после долгого молчания, увесистым посланием, когда в ее богатой разнообразными происшествиями жизни накоплялось много интересных фактов.

Такое именно тяжеловесное послание я получила в то лето. Часть его состояла из отдельных листов, вырван[н]ых из записной книжки, писан[н]ых карандашом под сенью египетских пирамид, куда Блаватская ездила с большим обществом членов Спиритуалистического Общества. Она описывала много замечательно интересных явлений, происшедших на сеансе, который они устроили в одной из Фараоновских гробниц, и в конце его рассказала следующее:

«Скажи, пожалу[й]ста, Вера, правда ли, что безрукий Петр⁵ умер вчера? Представь себе, что у одной нашей англичанки-медиума, писавшей карандашом на гробнице Фараона, вдруг появились фразы на языке, которого никто из ее спутников прочесть не мог. Я была в стороне и подошла как раз вовремя, чтоб помешать исполнению их намерения бросить исписанную непонятными каракулями бумажку и прочесть на ней следующее *русское* воззвание ко мне: “*Барышня! Барышня! Помолитесь обо мне грешном! Я мучаюсь, пить хочу! Мучаюсь!..*”

По этому названию “барышня”, которым нас с тобой, верно, до старости будут величать наши старые люди, я догадалась, что речь идет о котором-нибудь из них, и скорей взялась сама за карандаш... Не знаю, правда ли, но писавший назвался Петром Кучеровым; объявил мне, что он умер вчера в богадельне доктора Горалевича, куда будто бы ты его поместила вместе с братом его, поваром Максимом, – который будто бы тоже умер еще раньше его. Ты мне об этом не писала. Напиши – правда ли?»

Это была истинная правда, но дело в том, что я тогда еще ничего не знала о смерти этих стариков. Заинтересованная, я тотчас написала хорошо знакомому доктору, заведовавшему богадельней при больнице, и получила на другой день ответ, вполне подтверждавший эти показания: Петр Кучеров умер ровно за день до сообщения своего об этом Елене Петровне – это явствовало из чисел смерти его и ее письма, а Максим за два дня ранее. Я точно устроила их года за два до того в богадельне, но никому о том не считала нужным сообщать. Бедный Петр был при жизни горький пьяница, хотя отличный человек. Он и руку потерял вследствие своего порока, и вот бедняга, если верить духам, и по смерти был наказан мучительной жаждой – воздаянием за свой грех.

¹ Далее зачеркнуто: *последних*.

² Отец нынешнего Министра Путей Сообщения в России, Сергея Юльевича Витте. – *Примечание В.П.Желиховской*.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906).

³ Желиховский Владимир Иванович (?–1880) – второй муж В.П.Желиховской, педагог, директор Тифлисской классической гимназии и училищ г. Тифлиса (1868–1874).

⁴ Речь идет о 13-м лейб-гренадерском Эриванском Его Величества полке.

⁵ Один из бывших слуг Фадеевых. – *Примечание В.П.Желиховской*.

Несколько последующих лет Е[лена] П[етровна] провела в постоянных разъездах, за которыми также мудрено было уследить, как и за причинами их вызывавшими. Она впоследствии ссылалась на сношения, будто бы тогда уже установившиеся между ею и ее «руководителями», замислившими направить ее деятельность на основании Теософического Об[ществ]а, но мне в то время она о них никогда не упоминала до окончательного переселения в Америку.

Синнетт⁶ в книге «Incidents in the life of Mme Blavatsky», утверждает, что уж в 1873 году у нее были «постоянные психические сношения с ее восточными учителями ок[к]ультизма» в Тибете и на Цейлоне и что послушная их велениям она всегда была готова на переезды в разные страны и разные части света... Кто именно эти таинственные личности, эти ученые индусы-маги, покровители и верховные распорядители судеб Теософического Братства и⁷ существования всех искренно преданных ему членов? – я, должна сознаться, никогда не сумела этого понять и усвоить вполне, несмотря на все последующие объяснения сестры и других лиц, их знавших. Поэтому я⁸ не возьмусь говорить о них, а предоставлю это самой Елене Петровне – ее письмам из Нью-Йорка⁹, где она очутилась¹⁰ летом 1873 года.

Она попала туда в самый разгар спиритизма и проявлений первых *материализаций*. Первые письма ее по этому поводу дышали изумлением и возбуждением самыми искренними. Как ни привыкла она к своему духовидению, но все же чудеса Слэда¹¹, Давенпортов¹² и всего сонма духов всех форм и видов, вызван[н]ых из пресловутого Summer Land'a (страны весны – так называли одно время американские спириты тот мир) ими и их последователями, вначале и ее озадачили. Все письма ее были переполнены описаниями того, что она видела в комнатах сеансов, в особенности тех, кого она там видела, – потому что она то и дело узнавала знакомых умерших, говорила с ними, слышала их голоса...

Но вскоре в письмах ее стали чаще и чаще прорываться скептические и критические нотки... Посещение ею коттеджа Вермон[т] братьев Эдди¹³, о которых полковник Генри С.Оллькот¹⁴ написал книгу под заглавием «Люди того света»¹⁵, кажется, было последним камнем на весах ее мнения.

По крайней мере, вскоре после этого посещения взгляды ее окончательно установились в отрицательном смысле. Письма ее переполнились раздражением против «злоупотреблений спиритов» силами «несчастливых медиумов» и легковерием общества. Она начала писать статью за статьей в Американские журналы, указывая опасность увлечения медиумизмом, столько же вредным в своих преувеличениях, как и полное безверие и отрицание всего, – кроме осязаемой материи. С этой поры она перестала посещать сеансы, сводившие с ума американцев.

У Эдди Е.П.Блаватская и полковник Оллькот впервые познакомились. Он был отчаянный спирит, но она скоро успела его разуверить в безусловной святости *всех* медиумических манифестаций и *в непогрешимой истине* показаний выходцев из Сёммер Ланда¹⁶. Оба ярые противники материализма и безверья, они и впоследствии никогда не отрицали относительной

⁶ Далее зачеркнуто: *ее английский биограф*.

⁷ Далее зачеркнуто: *судеб*.

⁸ Далее зачеркнуто: *сама*.

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Далее зачеркнуто: *в кажется*.

¹¹ Слейд Генри (Slade, 1835–1905) – американский медиум.

¹² Дэвенпорты Айра Эрастас (1839–1911) и Уильям Генри (1841–1877) – американские медиумы.

¹³ Эдди Горацио (1842–1922) и Уильям (1832–1932) – американские медиумы.

¹⁴ Олкотт Генри Стил (1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

¹⁵ «*People from the other World*»*, обратившую и в России внимание на этих медиумов по переводам и статьям о ней профес[сора] Вагнера** в *Русском Вестнике*. – *Примечание В.П.Желиховской*.

* «Люди с того света» (англ.).

** Речь идет о статье Н.П.Вагнера «Медиумизм» (Русский вестник, 1875, №10).

Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – русский зоолог, профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, один из лидеров российского движения экспериментального спиритизма.

См.: *Олкотт Г.С. С того света* (перевод с английского Е.П.Блаватской) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>

¹⁶ Summer Land.

пользы, принесенной огрубевшему в отрицании всего духовного миру неожиданным вторжением в него спиритизма, но находили, что роль его должна ограничиться обращением обществ к вере в «*нечто, не снившееся нашим мудрецам*»¹⁷, а не вторгать их в другую крайность – в суеверие и вызывание дурных сил, иначе говоря, в *черную магию*. Е[лена] П[етровна] верила вполне возможности явлений умерших –¹⁸ не вызванных магнетизмом фанатиков, а появляющихся самобытно;¹⁹ но «тени милых отшедших», призываемые к воплощению посредством жизненных органов медиумов, ценой их здоровья и сил, она безусловно считала ложными, обманчивыми видениями, ничего, кроме внешней формы, не имеющими общего с теми, в чью оболочку они на миг переряжались.

«Какие мы *спириты*, Бог с вами! – писала она мне тогда. – Если я и примкнула к составляющемуся здесь Обществу Теософистов, ветви Индийского братства Ариан, именуемого Ария Самадж²⁰, – то именно потому, что они честно борются, под знаменем истины и науки, со всеми предрассудками: и с злоупотреблениями лже-пророков, жрецов Калхасов²¹, и с вредными бреднями спиритов. Мы, скорее, *спиритуалисты*, да и то не на американский, а на древне-Александрийский лад».

Вскоре она написала мне, что очень занята делами по учреждаемому ею Обществу и задуман[н]ой книгой²², которую она будет писать. Те отвлеченные научные вопросы, которых она сразу начала касаться в своих письмах, повергали всех нас в изумление: откуда вдруг нашла на нее такая премудрость? Тем не менее, я просто испугалась намерению ее писать какую-то ученую книгу. На опасения мои она отвечала мне указаниями на похвалы ее статьям в газетах, на эф[ф]ект, произведенный ее полемикой с ориенталистами, а позже с профессором Гёксле[ем], Нухлеу²³, и другими учеными матерьялистами. Тут начали впервые проявляться намеки ее на то, что пишет собственно *не она*, а «*некто, знающий все*», который на нее влияет, «*вселяется* в нее и ей *диктует*»... Первое время я принимала такие сообщения за фантазёрство сестры, за выдумки, хотя необычайные познания ее, свободные цитаты на древних европейских, и еврейском, и восточных языках меня все сильнее заставляли задумываться и просто сбивали столку. После каждого письма Елены я разводила руками в изумлении, вопрошая себя: «Господи! Что с ней?.. Откуда она *вдруг все это узнала*?.. Что это значит? Что это будет?!. Что за колдовское влияние на ней!»

Я серьезно за нее боялась! Сначала боялась, что она сходит с ума. Потом, когда в американской и английской прессе поднялись единодушные хвалы ее глубокой учености, восторженные отзывы о статьях ее, я уж не знала, что и думать, как объяснить свершившийся феномен. Она и сама этого не понимала... Но лучше обращусь к одному из писем ее.

«Вы не думайте, – говорит она в этом письме, – что я сошла с ума, но – мне положительно *внушают*... Более того: *в меня вселяются*. Не я говорю и пишу, а мой внутренний *его*²⁴ – *my higher and luminous self*²⁵ думает за меня и пишет...

¹⁷ «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» (У.Шекспир «Гамлет», акт I, сцена 5).

¹⁸ Далее зачеркнуто: *но*.

¹⁹ Далее зачеркнуто: *все*.

²⁰ Арья-самадж (букв. «Общество ариев», по сути «Общество просвещенных») – индуистское реформаторское движение, основанное 10 апреля 1875 г. Даянандой Сарасвати. Целью Арья-самаджа Даянанда видел возвращение к «истинному ведийскому индуизму», очищение индуизма от всех влияний, проникших в него из других религий за весь послеведийский период.

Свами Даянанда Сарасвати (1824–1883) – индийский ученый-теолог, реформатор индуизма.

²¹ Калхас – в древнегреческой мифологии жрец и прорицатель в войске Агамемнона, по словам Гомера «знавший, что есть, что будет или что было».

²² Речь идет о «Разоблаченной Изиде».

²³ Речь идет о статье Е.П.Блаватской «Гексли и Слейд: кто больше виноват в “обмане”?», напечатанной в газете «Banner of Light» (1876, т. XL, №5, 28 октября). См. также статью В.П.Желиховской «Из-за океана. Спириты и курьезный бой г-жи Е.П.Блаватской с г. Гексли» (Тифлисский вестник, 1877, №42, 27 февраля, №43, 1 марта; см. также: <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

Гексли Томас (1825–1895) – английский естествоиспытатель, популяризатор науки и защитник эволюционной теории Ч.Дарвина.

²⁴ субъект (англ.).

Не спрашивай меня, друг, *что* я чувствую, потому что – не могу тебе растолковать ничего ясно. *Я сама не знаю!*.. Знаю я только, что на старости лет сделалась каким-то складом чужих знаний... Приходит *кто-то*, словно облако туманное обовьет меня и разом будто меня же выгонит из себя самой, и я уж не я – Елена Петровна Блаватская, а кто-то другой. Кто-то сильный и могучий, рожденный совсем в другой стране мира; а я будто сплю или лежу без чувств не в собственном теле, а как-то возле, будто удерживаемая только нитью, которая меня привязывает к своему телу. Я иногда все ясно, впрочем, вижу и слышу, что делает и говорит мое тело, новый *хозяин* его. И понимаю, и запоминаю так, что после и написать, и повторить *его* речи могу... Вижу я тогда благоговение и страх на лице Оллькота и других. И слежу с интересом, как *хозяин* презрительно смотрит на них *из моих глаз* и поучает их моим физическим языком, да не моим, а своим умом, который обвивает мой мозг, как облаком... Не могу я, право, всего объяснить...»

В другом письме к тетке своей Н.А.Фадеевой она так сама себе изумляется:

«Скажи мне, милый ты человек, интересуешься ли ты физиолого-психологическими мистериями?.. А ведь следующая для любого физиолога самая удивительная задача: у нас в Обществе есть очень ученые члены, например, профессор Wilder, первейший археолог и ориенталист Соединен[ных] Штатов²⁶; а все они являются ко мне за поучениями и уверяют, что я лучше их всех знаю и восточные языки, и науки положительные и отвлеченные. Ведь это – факт! А против факта не пойдешь, как и противу рожна. Так вот, скажи ж ты мне, как это могло случиться, что я, ученость коей куда как хромала почти до сорока лет, вдруг стала феноменом учености в глазах действительно ученых людей?.. Надёжинька! Этот факт непроницаемая мистерия природы! Я – психологическая задача – ребус и энигма²⁷ для грядущих поколений – сфинкс!.. Подумай только, что я, которая ровно ничего не изучала в жизни и только самым поверхностным образом нахватала вершков; я, которая ни о химии, ни о физике, ни о зоологии как есть ни о чем понятия²⁸ не имела; теперь я все это так знаю, что²⁹ пишу целые диссертации! Вхожу в препирательства с учеными, в диспуты, из которых то и дело выхожу победительницей... Я³⁰ не шучу, а говорю серьезно: мне страшно, Надя, потому что я сама не понимаю, *как* это делается? Правда, вот уж почти три года я учусь и день и ночь, читаю и думаю; но все, что ни читаю я, мне кажется *знакомым*... Я нахожу ошибки в самых ученых статьях, в лекциях Тиндаля³¹, Герберта Спенсера³², Хёксля и других. Приходит ли ко мне археолог, – он уверяет, уходя, что я ему объяснила значение разных памятников, указала на такие пункты, о которых ему и не снилось. Все символы древности и тайный их смысл приходят мне в голову и стоят перед глазами, едва коснется их разговора. Ученик Фарадея³³, некий проф[ессор] Гикс³⁴, которого молва окрестила «отцом экспериментальной физики», проведя у меня вечер, уверяет, что я заткну за пояс самого Фарадея!.. Ведь не дураки же они!.. И невозможно предполагать, чтоб друзья и недруги сговаривались возвеличивать меня в ученейшего человека, если б я доказывала только поверхностными доводами свои теории?.. Когда б только преданный Оллькот да Теософы возымели обо мне такое понятие, – ну можно бы сказать: “dans le pays des aveugles les, borgnes sont rois”³⁵, но ведь у меня толкутся с утра до вечера профессора, доктора наук, теологи... Например. Здесь есть два еврейских раввина Adler и Goldstein, которых считают лучшими Талмудистами. Они и кабалу Симона-Бен-Иохая³⁶, и Codex Nasaraeus³⁷ Бардезана³⁸ на память знают. Их привел ко

²⁵ мое высшее и сияющее я (*англ.*).

²⁶ Уайлдер Александр (1823–1908) – американский врач, писатель, член Теософского общества.

²⁷ загадочное, непостижимое явление (*англ.* enigma).

²⁸ Далее зачеркнуто: *только что*.

²⁹ Далее зачеркнуто: *теперь*.

³⁰ Далее зачеркнуто: *теперь*.

³¹ Тиндаль Джон (1820–1893) – английский физик.

³² Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог.

³³ Фарадей Майкл (1791–1867) – английский физик-экспериментатор и химик.

³⁴ Возможно, речь идет об американском физике, физикохимике, математике и механике Джозайе Уилларде Гиббсе (Gibbs, 1839–1903).

³⁵ «среди слепых и кривой король» (*фр.*).

³⁶ Симеон Бен Иохай – раввин-адепт, автор «Зогара», величайшего из еврейских каббалистических трудов.

³⁷ Кодекс назареев (*англ.*).

мне Альджер³⁹, пастор протестантский, ком[м]ентатор Библии, чтобы доказать, что я ошибаюсь в доводе на счет одной фразы Халдейской библии Онкелоса⁴⁰, и что ж? Я их побила. Я им цитировала целые фразы на *древне-еврейском языке* и доказала, что Онкелос – авторитет Вавилонской Школы...» и т.д.

Затем несколько страниц премудрости о Библии, о Браминизме и Буддизме и о злоупотреблениях западной католической церкви, которых незачем приводить. В подтверждение такого рода писем Е.П.Б[лаватская] постоянно присылала вороха вырезок из газет, потому что ее «Ламазерия»⁴¹, как называли журналисты ее жилище на 47^й ул[ице] в Нью-Йорке, всегда была полна репортерами.

В начале странного *обуяния* или *вселения*, свершившегося с Еленой Петровной в Нью-Йорке, она называла эту личность или силу, внушавшую ей ее необычайные знания, то Саибом, то *голосом*, потом уж окрестила ее переводом с английского слова «Master» (как и поныне называет все Теософическое Об[щество] своих таинственных покровителей), «*хозяином*» или «*Учителем*».

«Я здесь, – пишет она, – никому не говорю того, что чувствую, – о *голосе*... Когда я их уверяю, что никогда не бывала в Монголии, что не знаю ни Санскритского, ни еврейского, ни древних европейских языков, – они не верят... Как же, говорят, не бывали, – а так верно все описываете?.. Языков не знаете, – а переводите прямо с оригиналов?.. И, разумеется, не верят. Думают, что я скрываю по каким-либо таинственным причинам. Да как же мне и отречься, когда все слышали, как я с лектором, который двадцать лет в Индии прожил, на индостанских наречиях разговаривала?.. Либо они все с ума сошли, либо я *подменена*, что ли?..»

В самом начале этих «ученых наитий», если можно так выразиться, в одном из писем к тетке она рассказывает о своем удивительном видении. Это было вскоре после того, как она, отказавшись от спиритизма, все глубже начинала вдумываться в задачи спиритуализма и психологии и ужасаться своей греховности на том основании, что некоторые из членов их нарождавшегося Об[щества] были способны видеть «явления чистых *планетарных духов*», а она, «*такая грешная, плотью обуянная*», видела только «земные исчадия: *духов элементарных*» – из той же категории *шишимор*⁴², из которых, по мнению ее, берутся и медиумические материализации.

«В нашем Обществе ведь все обязательно вегетарианцы⁴³, ни мяса не едят, ни вина не пьют, – первое правило! Известно, как дурно влияют на духовную природу человека испарения крови и спирта: только хуже разжигают животные страсти. Вот я постилась на днях даже гораздо строже: ела один салат и даже не курила целых девять дней кряду и спала на полу. И что же! Только одну сцену, препротивную, из своей собственной жизни увидела, но так, будто я вышла из тела своего и смотрю на него с отвращением, как оно ходит, и говорит, и дуется от жиру, и грешит... Фу! Как я себя возненавидела!.. А на вторую ночь, когда я опять-таки легла на пол мраморный, от утомления я скоро забылась и вижу, что окружена таким тяжелым непроницаемым мраком, что ни зги не видно. И вдруг зажглась звезда... Высоко, высоко загорелась и летит на меня, падает... Упала мне на лоб и превратилась в руку. Лежит на лбу моем эта рука, и страстное во мне желание узнать: чья она?.. Я вся превратилась в моление, в порыв воли – узнать, *кто* это? Кому принадлежит эта светлая рука?.. И узнала: надо мной стояла – *я же сама*... И вот вдруг этот второй двойник мой говорит моему телу: “Посмотри – на меня!” И тело мое смотрит и видит, что у этого второго меня половина тела черная-пречерная, а другая половина серо-беловатая и только верхняя часть головы блестящая, белая, сияющая. Ну и говорю я сама своему телу: “Когда станет вся светла, как эта

³⁸ Бардесан (154–222) – сирийский философ, богослов, поэт, гностик.

³⁹ Олджер Уильям Расквилл (Alger, 1822–1905) – американский проповедник-унитарий, аболиционист, писатель, труды которого важны для сравнительного религиоведения.

⁴⁰ Онкелос (конец I в.) – римлянин-прозелит, то есть перешедший в иудаизм; перевел Тору на арамейский язык, который являлся разговорным в еврейской среде того времени. Благодаря своей простоте и понятности, перевод Онкелоса стал – с одобрения иудейских законоучителей – самым распространенным переводом Торы во всей еврейской диаспоре.

⁴¹ ламасерия (англ. lamasery).

⁴² «Кикиморы», «шишиморы» – низшие астральные двойники людей, которые в виде «духов» появляются на спиритических сеансах.

⁴³ Так в тексте.

маленькая частица твоей головы, тогда увидишь то, что видят другие, омывшиеся, чистые... А пока – мойся! Мойся и мойся!..” Так я и очнулась на таком наставлении от самой себя».

В то же время Елена заболела довольно серьезно, сильнейшим ревматизмом в ноге, – что не удивительно после девятидневного сна на мраморном полу! Ее лечил, писала она, какой-то негр, знахарь, которого привел к ней «Саиб» – «Учитель» тож, когда доктора решили, что началась гангрена и придется ногу отнять.

«Он меня вылечил совершенно, – писала она потом, – а с той поры я стала чувствовать странную двойственность. По несколько раз на день мне стало казаться, что, кроме меня, кто-то другой, отдельный от меня человек во мне присутствует. Я не теряю сознания собственной личности никогда; чувствую только, будто я молчу, а другой, *постоялец, который во мне*, говорит моим языком.

Я знаю, например, что я никогда не бывала в тех местах, которые описывает мой *другой я*; но *тот*, второй я, совсем не лжет, когда рассказывает о местах и вещах мне незнакомых, потому что *он их точно видел* и хорошо знает. Я уж и рукой махнула: пусть моя судьба ведет меня, куда хочет!.. Что ж делать мне?.. Смешно мне отрекаться от знаний, которые мой №2^й подтверждает, заставляя предполагать, что я их скрываю из скромности. Когда я одна ночью, когда лежу в постели, вся жизнь моего №2го проходит пред моими глазами, и я вижу... совсем не себя! Совсем другого человека, другой породы, других чувств... Да что говорить! Еще с ума сойдешь!.. Я стараюсь втянуться в это и забыть странность своего положения. Это не медиумство и уж никак не *нечистая* сила – больно уж всех в руках держит и наставляет на хорошее! Черт бы так не поступал... Духи?.. Да мои прежние шишиморы не смеют теперь ко мне и подойти. Мне стоит войти в комнату, где сеанс, и тотчас все феномены, особенно материализации, прекращаются. Нет... Это *что-то* повыше!.. Зато другого рода феномены у меня все чаще творятся по приказу моего №2го. На днях пришлю о них отчет. Интересно!»

Рассказ, который Елена Петровна прислала мне в вырезке из газеты «World», был озаглавлен: «*Нью-Йоркская Ламазерия*⁴⁴»⁴⁵ и точно был интересен. В нем повествовалось много сказочных эпизодов о вечере, проведенном в гостиной ее, где между множеством гостей, являвшихся законными путями, явились нежданные посетители «*через запертое окно*».⁴⁶ То были бесплотные «*астральные тела*», *peresprits*, – впрочем, *живых* людей – «*индостанских учителей*» (Гуру или Радж-Иогов, имен у них множество), тех самых покровителей Теософического Общества, из которых один, надо полагать, и был *внушитель* Е.П.Б[лаватской]... Она сама пишет о нем:

«Я этого Индуса вижу каждый день, как вижу живых людей, только он эфирнее и прозрачнее кажется. Прежде я о них молчала, я считала их галлюцинациями; но теперь их видят и другие. Он является, дает советы, что писать и что делать. Он, видно, знает все, что делается, и даже, что думают другие, и меня заставляет высказывать свои знания... Иногда мне кажется, что он меня всю осеняет, что просто входит какой-то летучей эссенцией во все мои поры и растворяется во мне... И тогда мы с ним говорим людям... И вот я начинаю понимать и запоминать и науки, и языки, и все, чему он меня учит, когда его и нет со мною...»

⁴⁴ Буддистский Монастырь. Такие Ламазерии находятся и в Цейлоне, и в Тибете. Они служат убежищем Мах-Атмам (Великим душам) или Радж-Иогам*, которых Т[еософическое] О[бщество] считает своими покровителями. – *Примечание В.П.Желиховской.*

* Так в тексте.

⁴⁵ Статья «Теософское общество. Ламасери в Нью-Йорке» («The Theosophical Society. The Lamasery at New York») была опубликована в газете «Hartford Daily Times» (Коннектикут) 2 декабря 1878 г. В газете «The New York World» от 19 декабря 1878 г. была напечатана статья «Хиджра теософов. Жрица Блаватская и иерофант Олькотт поспешно улетают в Бомбей» («A Hegira of Theosophists. Priestess Blavatsky and Hierophant Olcott Fly Hastily to Bombay»). См. также статьи: «Прощание Е.П.Блаватской. Бывшая графиня готова отбыть на Восток» («H.P. Blavatsky's Adieux. The Ci-Devant Countess Ready to Depart for the East») в нью-йоркской газете «The Daily Graphic» от 10 декабря 1878 г.; «Тишь в Ламасери. Мадам Блаватская и иерофант отправляются в Индию» («Silence in the Lamasery. Madame Blavatsky and the Hierophant Off for India») в нью-йоркской газете «Sun» от 19 декабря 1878 г.

Е.П.Блаватская покинула Нью-Йорк 18 декабря 1878 г.

⁴⁶ См. также черновую запись В.П.Желиховской: «Рассказ, о котором Елена говорила, был точно интересен. В нем репортеры газеты «World» рассказывали о совершенно сказочном вечере, проведенном в ее гостиной. Статья была озаглавлена «*Нью-*».

Такие-то удивительные вещи стали твориться с Е.П.Блаватской по переселении ее в Соедин[енные] Штаты. Конечно, если б не наглядные доказательства ее «осенения», не плоды его – ее сочинения, обратившие внимание всей Европы, в пору было бы раз навсегда заключить, что она помешалась. Но не могли же с ней одновременно помешаться сотни других лиц! Наконец, труды ее, доказывающие ее громадные знания, доказывают в то же время, что они, эти знания, не могли снизойти на нее внезапно – с сегодня на завтра – без вмешательства какой-либо психической, могущественной, людям неведомой силы...

Без сомнения, девять десятых читателей не поверят искренности и точности показаний ее близких, или же причтут к сонму помешанных и свидетельствующих об этих непостижимых уму человеческому фактах. Тем не менее, взявшись писать о жизни и деятельности сестры моей – этого «сфинкса девятнадцатого века», как справедливо называют ее многие иностранные ее биографы, – я чувствую себя обязанной высказывать истину и говорю ее.